

Пока были живы дедушка с бабушкой, Ян Цзяшэн каждый год праздновал свой день рождения.

Его вырастили именно они; сколько он себя помнил, он всегда жил с ними. Сразу после его рождения родители уехали на заработки в город. Трое детей — старшая сестра, старший брат и он сам — остались в деревне со стариками. Он и сестра были типичными представителями рода Ян: талантом к учебе бог их обделил. Сестра кое-как дотянула до окончания средней школы и сразу укатила работать. А вот брат был другим: в деревенской начальной школе он постоянно получал высшие баллы. Родители рассудили, что это, возможно, первый будущий студент в роду Ян, и когда брат переходил в среднюю школу, его забрали в город. Маленький Цзяшэн остался с дедушкой и бабушкой. Родители обещали: «Вот подрастешь, и тебя заберем».

Но Ян Цзяшэн с первого же класса проявил свой «талант» к неспособности учиться. Так что приглашения в город он не дождался. Старики не могли помочь первоклашке с уроками, и каждый день после школы он либо валялся в грязи, либо помогал бабушке косить траву для свиней. Мало того что к наукам душа не лежала, так еще и усилий никто не прилагал — в итоге он совсем перестал понимать школьную программу. За шесть лет начальной школы он считанные разы получал проходной балл.

В детстве Ян Цзяшэн был худым, маленьким, неразговорчивым и плохо учился — в общем, не самый располагающий к себе ребенок. Даже одноклассники смеялись над ним, говоря, что родители оставили его в деревне, потому что он слишком тупой. Детские слова были наивными и жестокими, но в них крылась правда.

Родители изредка звонили и просили позвать Цзяшэна. Он и так был не из болтливых, а перед трубкой и вовсе не знал, что сказать. Бывало, мать на том конце долго что-то тараторила, а он не проронил ни звука, так что ей приходилось спрашивать, слышит ли он её или связь плохая.

Он только и мог выдавить: «Слышу».

Мать злилась и ругала его: «Тупой как дерево», «дурак», «учишься плохо, и говорить не умеешь», «столько родителей не видел, хоть бы слово ласковое сказал».

Бабушка обычно выхватывала трубку и заступалась: «Столько ребенка не видели, а всё ругаете! А-Шэн — хороший ребёнок, дома ведет себя смирно, мне и с курами, и с утками помогает, и огород поливает. Те двое и в подметки ему не годятся».

Из троих детей Ян Цзяшэн провел с дедушкой и бабушкой больше всего времени и был к ним ближе всех. Старики всегда его защищали, ругая родителей за то, что те укатили в город, бросив ребенка, да еще и вечно попрекают его всем подряд. Старший брат учился в частной городской школе, плата за которую была немалой, так что в те годы родители жили очень стесненно и в деревню денег почти не присылали. Двое стариков и ребенок выкручивались как могли: продавали кур, уток, овощи, да получали крошечное пособие. Жили впроголодь.

Но даже при такой нужде старики всегда помнили про день рождения Цзяшэна. В этот день бабушка обязательно жарила золотистые рисовые лепешки нюоми югао и варила миску лапши. Лепешки были с начинкой из сладкой бобовой пасты — ароматные и приторно-сладкие.

Всё это осталось в прошлом.

Когда бабушки не стало, дедушка не умел жарить лепешки, но всё равно варил Цзяшэну лапшу.

Потом ушел и дедушка. Ян Цзяшэн перестал праздновать — некому было для него это делать.

В день своего восемнадцатилетия Ян Цзяшэн, как обычно, встал ни свет ни заря, работал, продавал баоцзы, а потом убирался в лавке. Этот день не казался ему особенным, он был таким же, как и все остальные. Но после этого дня ему официально исполнялось восемнадцать. Раньше он очень ждал этого возраста: казалось, станет взрослым — и перед ним откроются все двери, можно будет браться за любую работу и зарабатывать деньги для дедушки с бабушкой.

Теперь спешить было некуда, но, так или иначе, он стал совершеннолетним. Теперь он мог иметь отдельную регистрацию и не зависеть от родителей.

В три часа дня они, как всегда, закончили все дела. Сюй Шуньхэ вытер насухо кухонным полотенцем вымытую мясорубку, убрал её в шкаф и сказал:

— Присмотри за лавкой, я выйду за одной вещью.

Ян Цзяшэн кивнул.

Пока Сюй Шуньхэ не было, он, подражая хозяину, еще раз отдраил и без того чистую уборную. Сюй Шуньхэ купил отличное чистящее средство: побрызгаешь на швы между плиткой, подождешь — и щеткой вычищаешь их до белоснежного состояния.

Санузел, он же душевая, был крошечным: если заходил Ян Цзяшэн, второму человеку места уже не оставалось. Там был только небольшой, безусловно чистый унитаз и маленькая, сияющая чистотой раковина. Кран из нержавеющей стали и душевую лейку Сюй Шуньхэ протирал каждый день, так что они до сих пор сверкали.

Ян Цзяшэн искренне восхищался Сюй Шуньхэ — тот никогда не делал ничего спустя рукава. Даже живя прямо в лавке, он содержал арендованное помещение в идеальном порядке. Сюй Шуньхэ всегда стирал вещи сразу после душа, никогда не копил горы грязной одежды и не разбрасывал её где попало.

Всё равно заняться было нечем, кроме как листать телефон, так что Ян Цзяшэн занялся уборкой. Когда Сюй Шуньхэ вернулся, парень как раз протирал дверь в ванную.

— Ты чего за дверь взялся? — окликнул его Сюй Шуньхэ. — Быстрее мой руки и иди сюда есть торт.

Ян Цзяшэн замер, решив, что ослышался.

Сюй Шуньхэ поставил принесенное на стол для теста, убрал пакеты и приправы, и буднично добавил:

— Выходил по делам и увидел, что в пекарне напротив остались нераспроданные тортики. Вспомнил, что у тебя сегодня день рождения, ну и прихватил один. Мой руки, давай.

Ян Цзяшэн вымыл руки и сел за стол.

Сюй Шуньхэ с какой-то взрослой, неловкой неуклюжестью развязал ленту на коробке.

— Там скидка была, — пояснил он. — Сказали, после трех дня — восемьдесят процентов,

выгодно же. Вот я и взял. В лавке сказали, этот вкусный, но я сам не знаю.

Тортик был совсем маленьким, около десяти сантиметров, а на коробке было написано «Шоколадный торт с морской солью». Это не был праздничный торт — к нему не прилагались свечи, только две пластиковые ложечки.

Сюй Шуньхэ долго копался в пакете.

— Обычно же кладут свечи... почему нет-то...

— Не надо ничего зажигать, — глухо отозвался Ян Цзяшэн. — Я не привередливый...

Сюй Шуньхэ неловко рассмеялся:

— Забыл попросить свечку. Ну да ладно, давай так есть.

Ян Цзяшэн протянул одну ложку Сюй Шуньхэ, но тот замахал руками:

— Ешь сам, ешь, это же твой день рождения.

— Я один не съем, — настоял парень. Только тогда Сюй Шуньхэ взял ложку и зачерпнул совсем крохотный кусочек.

Торт с шоколадом и морской солью... Ян Цзяшэн не понимал, что это за сочетание. Про какао и шоколад он знал, но морская соль? Соль в торт? Но когда он отправил кусочек в рот, сладкий крем действительно отозвался легкой соленой ноткой. Наверное, это и была та самая соль. Оказалось неожиданно вкусно.

Ян Цзяшэн впервые ел именинный торт. Раньше на день рождения у него были только рисовые лепешки. Он знал, что родители покупали торт старшему брату — видел на фотографиях в телефоне — но ему никогда. В один из дней рождения он даже выпрашивал торт, но бабушка сказала: «Где ж я тебе его куплю, до города далеко, я старая, не дойду». А дедушка ворчал: «Торт этот стоит несколько десятков юаней, что в нем хорошего? Нечего за городскими эти глупости повторять. Мы деревенские, едим лепешки, они сытнее!»

Позже, когда он подрос и стал сам зарабатывать, он мог бы купить себе торт, но уже не хотелось. Он перестал быть ребенком, и желание «хочу, как у других» исчезло.

— Ну как? Не нравится? — осторожно спросил Сюй Шуньхэ, заметив, что на лице Ян Цзяшэна не отразилось никаких эмоций. Он зачерпнул еще кусочек. — Вроде вкусно... Не твой вкус?

Ян Цзяшэн не ответил. Он просто не смел открыть рот. Он изо всех сил подавлял подступивший к горлу комок и жжение в глазах, заталкивая их поглубже вместе с тающим шоколадным кремом. Прямо туда, в самую глубину души.

—